

УДК 94.3

**ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА И ПАТРИОТИЗМА
В РЕЧИ ЛИКУРГА «ПРОТИВ ЛЕОКРАТА»****Э.В. Рунг, И.В. Востриков***Аннотация**

В статье рассматривается речь афинского политика и оратора IV в. до н. э. Ликурга, посвященная обвинению Леократа, который оставил Афины перед лицом угрозы со стороны врага после поражения афинян от македонского царя Филиппа II в битве при Херонее в 338 г. до н. э. Подчеркивается, что Ликург обвиняет Леократа не только в непатриотическом поведении, но и в государственной измене, которую он трактует как предательство по отношению к богам и афинским святыням, своим предкам и родственникам, наконец, сотоварищам, которые по призыву властей сражались, а многие и погибли в битве при Херонее. Повсеместно в речи предательство Леократа противопоставляется патриотизму его сограждан, описывается участь предателей прошлых времен. Делается вывод, что речь Ликурга является важным свидетельством того, как современники оратора воспринимали предательство и патриотизм.

Ключевые слова: предательство, патриотизм, Ликург, Леократ.

Речь афинского оратора и политика Ликурга «Против Леократа» была составлена в 330 г. до н. э.¹, но апеллирует к событиям восьмилетней давности, когда в 338 г. до н. э. афиняне потерпели поражение в битве при Херонее от Филиппа II². Исторический контекст представлен в *гипотезе* к этой речи, а также периодически проявляется в тексте самого произведения ораторского искусства³. В *гипотезе* кратко сообщается, что после поражения при Херонее афинский народ принимает постановление о том, чтобы никто не покидал город и не вывозил детей и жен; однако некто Леократ, уехав из города и прибыв на Родос, а затем в Мегары, возвратился в Афины. В тексте же самой речи красочно и детально описывается то, каким образом Леократ покидал Афины⁴,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

¹ Об этой речи см. [1]. Указанный автор, однако, специально не затрагивает тему предательства и патриотизма у Ликурга.

² О внешне- и внутривнутриполитической ситуации в Афинах после битвы при Херонее в 338 г. до н. э. см., в частности, работы отечественных исследователей [2; 3, с. 56–134, особ. 62–72; 4; 5, с. 14–37].

³ Подробнее об историческом контексте речи см. [6, р. 211; 7, р. 292–293].

⁴ «...Уложив свое имущество, с помощью рабов снес его в лодку, в то время как вблизи берега уже находился снаряженный корабль. В сумерках он сам, выйдя вместе с гетерой Иринидой через калитку на побережье, подплыл к кораблю и поспешно бежал» (Лус. I. 17) (Здесь и далее цитирование отрывков из речи оратора дается по переводу Т.В. Прушакевич [8]).

а также приводятся некоторые обстоятельства его пребывания на Родосе⁵ и в Мегарах⁶. Содержатся и указания на род деятельности обвиняемого⁷.

Лейтмотивом речи является обвинение Леократа в измене. Весьма показательна лексика, употребляемая оратором в обвинительной речи против Леократа⁸. Существительное «предательство» в тексте встречается 13 раз (Лус. I. 34, 38, 53, 59, 78, 110, 113, 117, 126, 137, 141, 147, 149); «предатель» – 26 раз (Лус. I. 2, 29, 33, 35, 43, 77, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 129, 130, 134, 142, 148), из них «предатель отчества» – 5 раз (Лус. I. 29, 33, 35, 77, 148) и «предатель города» – 2 раза (Лус. I. 43, 111); глагол «предавать» употребляется 10 раз (Лус. I. 36, 56, 59, 68, 114, 122, 125, 131, 137, 150), из них трижды в сочетании со словом «город» (Лус. I. 122, 125, 150); «передавать» – 2 раза (Лус. I. 4, 34); причастие «предавший» – 21 раз (Лус. I. 1, 2, 5, 17, 27, 43, 51, 59, 60, 112, 114, 115, 121, 123, 125, 127, 128, 140, 144), из них два раза в сочетании со словом «отечество» (Лус. I. 51, 127), один раз со словом «народ» (Лус. I. 125), один раз с обозначением «Эллада» (Лус. I. 128) и пять раз со словом «город» (Лус. I. 112, 114, 123, 128). Таким образом, в общей сложности термины, обозначающие измену, используются оратором 72 раза, при этом многократно противопоставляется измена Леократа патриотизму его сограждан (слово «отечество» и его производные употребляются в ликурговой речи всего 61 раз), а также привлекаются соответствующие *exempla* предательского или патриотического поведения афинян в прошлом.

Итак, в самом начале речи Ликург предъявляет обвинение Леократу в предательстве, под которым он понимает оставление города «в беде на произвол врага» (Лус. I. 5)⁹. Но наряду с собственно предательством оратор выдвигает против подсудимого и другие тяжелые обвинения: «в ниспровержении демократии, так как он не подвергался опасности за свободу, в святотатстве, так как по его вине разорвались святилища и уничтожались до основания храмы; в преступлении по отношению к родителям, так как он тайно увез их изображения, лишив их установленных обычаев; в дезертирстве и в уклонении от военной службы, так как он не явился в распоряжение стратегов» (Лус. I. 147). По ходу речи, однако, становится понятным, что Ликург расширительно толковал термин «предательство», а не сводил его только к одному из пунктов обвинения¹⁰.

Начинает свое выступление Ликург с религиозного аспекта обвинения подсудимого в измене, справедливо полагая, что эта сторона будет наиболее значимой

⁵ «Причалив и высадившись на Родосе, он, как будто радостно извещая о больших удачах своего отечества, объявил, что город был захвачен, когда он его покидал, Пирей осажден, а сам он, с трудом спасшись, ушел. Он не стыдился называть несчастье отечества своим собственным спасением. Родосцы же настолько этому поверили, что, снарядив триеры, заставили грузовые суда войти в гавань, и купцы и судовладельцы, которые собирались плыть сюда, из-за него выгрузили там хлеб и другие товары» (Лус. I. 18).

⁶ «И жил он в Мегарах больше пяти лет, пользуясь покровительством одного мегарца» (Лус. I. 21).

⁷ «Ибо и раньше никогда он не занимался торговлей, а владел кузницей, и тогда, отправившись в плавание, он ничего не привез из Мегар, отсутствуя непрерывно в течение шести лет» (Лус. I. 58).

⁸ Об этих словоупотреблениях см. [3, с. 68].

⁹ Ликург выступил обвинителем ряда афинян после сражения при Херонее в 338 г. до н. э. и добился их осуждения. Среди них: стратег Лисикл – командующий в сражении (он был осужден на смерть и казнен (Diod. XVI. 88. 1)), Аристогитон и ареопагит Автолик, обвиненные в трусости (Plut. Vit. X Orat. 841 B–C). Один из таких процессов оратор вспоминает в своей речи против Леократа: «Так вы осудили Автолика, оставшегося здесь во время военной опасности, виновного в том, что он тайно отправил в безопасное место своих сыновей и жену, и наказали его» (Лус. I. 53). Об этом см. [9].

¹⁰ О восприятии предательства в истории Афин начала V в. до н. э. см. [10, с. 326–327].

и тяжелой в глазах его сограждан¹¹: «...считаю его предателем по отношению к храмам, изображениям и святилищам богов, к дарам, положенным им по закону, и жертвоприношениям, завещанным вашими предками» (Лус. I. 1). В дальнейшем оратор неоднократно обращается к религиозному аспекту своего обвинения, в разных выражениях обличая Леократа в преступлениях против богов и храмов: покинув родину, он не оказал помощи отеческим святыням, бросил гробницы предков и предоставил всю страну в распоряжение врагов (Лус. I. 8); презрел и предал Акрополь и храм Зевса Спасителя и Афины Спасительницы (Лус. I. 17); он не ограничился тем, чтобы тайно выехать самому со своим имуществом, но он вывез и отечественные святыни, основав которые, согласно законам и отцовским обычаям, предки передали ему (Лус. I. 25); Леократ и сам сбежал из города, и все наличное имущество вывез, и послал за отеческими святынями, так что по его решению покинутыми оказались храмы, сторожевые посты стен, город и страна (Лус. I. 38). В конечном итоге, по замечанию оратора, Леократ, «презрев обычаи предков, отечество, святыни», вывез то, что «могло принести помощь богов» (Лус. I. 26). Почему религиозный фактор играет столь значимую роль в построении обвинения в государственной измене? Нам видится объяснение этого в том, что храмы и божества имели исключительно большое значение в мировоззрении греков и привязанность к ним была одной из наиболее важных характеристик греческого полисного патриотизма¹². Собственно говоря, и Геродот (Hdt. VIII. 144) объясняет отказ афинян в 479 г. до н. э. заключить договор с Ксерксом и таким образом «предать Элладу» тем, что персы сожгли и разрушили кумиры и святилища богов, а также тем, что греки имеют общие храмы богов. Эсхил в своей драме «Персы» в одном месте провозглашает намерение греков сражаться при Саламине за освобождение храмов отеческих богов и могил предков (Aeschil. 404–405), а в другом – призывает греков к возмездию за похищение персами греческих святынь¹³, сожжение храмов и разрушение алтарей (Aeschil. 810–812). Таким образом, Ликург четко дает понять, что предательство в представлении афинян было и религиозным преступлением – изменой по отношению к божествам, алтарям, могилам предков и т. п.

Другой аспект обвинения Леократа в предательстве – военный. Ликург обвиняет Леократа в сознательном уклонении от военной службы во время сражения при Херонее. В частности, вопреки постановлению экклесии, Леократ покинул Афины. Ликург вспоминает: «И вот, когда произошла битва при Херонее и все вы сбежали на народное собрание, народ постановил, чтобы дети и женщины были вывезены из деревень под защиту стен и чтобы стратеги, как им покажется нужным, выстроили афинян и остальных людей, живущих в Афинах, для защиты города» (Лус. I. 16). Далее оратор отмечает решение, по которому члены Совета пятисот, освобожденные от военной службы ради занятия государственными делами, в полном вооружении должны спуститься в Пирей, позаботиться об охране этой гавани и заняться приготовлением того, что, по мнению народа, является полезным (Лус. I. 37). Не оставляет без внимания Ликург и действия простых афинских воинов в битве при Херонее: «Ведь они вышли

¹¹ Об этом см. [11–13].

¹² Подробнее об этом см. [13, с. 308–309].

¹³ О практике похищения персами культовых предметов, в частности египетских, см. [14].

навстречу врагам к границам Беотии, чтобы бороться за свободу эллинов. Не на стены возлагали они надежду на спасение и не предоставляли страну врагам на разграбление, но считали свое собственное мужество более надежной защитой, чем каменные стены, и стыдились спокойно взирать на опустошение вскормившей их страны» (Лус. I. 47). И далее оратор обращает внимание на их героическую смерть: «Ибо не при жизни они получили признание их доблести, а после смерти оставили о себе славу, не побежденные, но павшие там, где они были построены с тем, чтобы сражаться за свободу» (Лус. I. 48). Ликург рассуждает о том, что «только тех, кто с честью пал в битве... никто не назовет побежденными, ибо, избегая порабощения, они выбирают для себя славную смерть» (Лус. I. 50). Оратор заявляет, что доблесть этих мужей доказана тем, что «в них одних только сохранялась свобода Эллады», поскольку, «когда они расстались с жизнью, была порабощена и Эллада». Таким образом, заключает Ликург, «вместе с их телами была погребена и свобода остальных эллинов», «и этим они ясно всем показали, что сражаясь, они подвергались опасности не ради личных интересов, а во имя всеобщей свободы» (Лус. I. 50).

Ликург непосредственно обвиняет Леократа в трусости: тот «бежал от опасностей, нависших над отечеством» и «покинул своих сограждан в беде» (Лус. I. 5), «покинул город и не взялся за оружие, защищая отечество, не встал в строй по приказу стратегов, но бежал и предал спасение народа (Лус. I. 43), «оставил отечество врагам» (Лус. I. 133), «оставил город в беде на произвол врага», совершил дезертирство и уклонение от военной службы, так как «не явился в распоряжение стратегов» (Лус. I. 147).

Однако, по мнению Ликурга, Леократ не просто виновен в религиозных и военных преступлениях – его облик не соответствует облику добропорядочного афинского гражданина, почитающего своих предков и заботящегося о благе государства. Как заявляет оратор, Леократ не отважился «даже на защиту своего домашнего очага, один из всех людей предал установленные самой природой семейные и родственные связи» (Лус. I. 131), в особенности память своего покойного отца, медная статуя которого находилась в храме Зевса Спасителя (этот храм, по выражению оратора, Леократ «предоставил на осквернение и оскорбление врагам и над статуей, которую тот воздвиг как памятник своей честности, он надругался – ведь он именуется отцом такого сына» (Лус. I. 136)).

Переходя к обвинению подсудимого в непатриотическом поведении, оратор вновь начинает со сравнения действий афинян с поступками Леократа. Согласно Ликургу, все жители Афин испытывали в те времена сострадание к городу: и женщины, и даже старики, освобожденные от военной службы, беспокоились за судьбу отечества и собственных родственников, сражавшихся на поле боя при Херонее (Лус. I. 39–41). Однако, как говорит оратор, Леократ остался равнодушным к участи своей родины: «...не решился оплакивать вместе с другими несчастья отечества и не сделал ничего для спасения города и народа, когда сама страна отдавала деревья, мертвые – свои гробницы, храмы – оружие. Ведь в то время не было такого возраста, который не принял бы участия в спасении государства. Ибо одни заботились об укреплении стен, другие – о выкапывании ровов, третьи – об изготовлении частокола. Никто из живущих в городе не оставался праздным. Ни в чем из этого не принял никакого участия Леократ... [Он]

не принимал участия в погребальной процессии и не счел нужным прийти на выставление тел, павших за свободу и за спасение народа при Херонее, так как есть и его доля в том, что те мужи остались непогребенными» (Лус. I. 43–45). Таким образом, по мнению оратора, Леократ «оскорбил и мертвых, лишив их почестей, полагающихся по отеческому закону» (Лус. I. 59). Кроме того, есть очень интересное замечание Ликурга в отношении непатриотического поведения Леократа во время его пятилетнего проживания в чужой стране – в Мегарах. По его словам, обвиняемый стал возить хлеб из Эпира в Левкаду и Коринф и тем самым нарушил афинские законы, которые устанавливали тяжелейшее наказание, если кто-нибудь из афинян повезет хлеб в другое место, а не в Афины (Лус. I. 26–27).

И вот на фоне нарисованной оратором патриотической картины всеобщего радения за свободу отечества действия Леократа должны были служить доказательством его предательства. Вообще, на протяжении всей речи, проникнутой особым пафосом, патриотизм и предательство противопоставляются повсеместно имплицитно, однако по крайней мере в одном случае это противопоставление непосредственно заявлено (см. [13, с. 312]). Ликург отмечает: «Поэтому, граждане, того, кто во время таких ужасов и таких опасностей и такого позора покинул город и не взялся за оружие, защищая отечество, не встал в строй по приказу стратегов, но бежал и предал спасение народа, – какой судья, *любящий государство* и почитающий богов, захочет его оправдать? Какой оратор, призванный на суд, пожелал бы оказать помощь человеку, предавшему свое государство?» (курсив наш. – Э.В.) (Лус. I. 43). Ликург, апеллируя подобным образом к афинской гелизе, рассматривавшей «дело Леократа», называет афинскими патриотами¹⁴ именно судей-гелиастов, в качестве которых заседали обычные граждане (см. [15]).

И в довершение всего речь Ликурга содержит *exempla historica*, которые свидетельствуют как об афинском, и даже в целом эллинском, патриотизме в предшествующие времена, так и о наказании, которое раньше назначали греки предателям отечества. В качестве примеров афинского патриотизма Ликург ссылается на клятву при Платеях (Лус. I. 80–81)¹⁵ и на эфебскую клятву¹⁶ – в высшей степени патриотический документ, содержащий присягу молодых афинян «не посрамить священное оружие, не покидать строй, защищать отечество и передавать его (потомкам) в лучшем состоянии» (Лус. I. 76–78).

Среди других примеров, названных оратором, присутствуют традиционные ссылки на прославленные события из истории Греко-персидских войн: сражения при Марафоне (Лус. I. 104), при Фермопилах (Лус. I. 109–110), при Саламине (Лус. I. 68–70), при Эвримедонте (Лус. I. 72). При этом Ликург резко возражает даже против самой возможности сравнения Леократом своего поступка с действиями афинян, покинувших свой город в связи с угрозой захвата его персами в 480 г. до н. э.: «Ведь они не покинули город, а переменили место, приняв прекрасное решение ввиду приближающейся опасности» (Лус. I. 69).

Примеры патриотизма в речи Ликурга приводятся в параллели с примерами предательства, и особенно делается акцент на то, каким образом афиняне нака-

¹⁴ О терминологии патриотизма см. [13, с. 309–313; 16].

¹⁵ Анализ этой клятвы см. в [17].

¹⁶ О речи Ликурга в связи с эфебской клятвой см. [18].

зывали предателей. Так, например, после того как было доказано, что афинянин Фриних является предателем, народ принимает постановление, предложенное Критием: «обвинить мертвого в предательстве и, если окажется, что он, будучи предателем, похоронен в нашей [афинской] земле, выкопать его кости и выбросить их за пределы Аттики» (Лус. I. 113)¹⁷. Приводит оратор и другой пример: «Гиппарха, сына Харма, уклонившегося от публичного обвинения в предательстве и не явившегося на суд, они [афиняне] приговорили к смерти». Так как они не могли судить его очно за преступление, они стащили с Акрополя его статую, «расплавили ее, и, сделав стелу, постановили написать на ней имена преступников и предателей» (Лус. I. 117)¹⁸. По словам Ликурга, афиняне осудили также перебежавших во время Пелопоннесской войны в Декелею «и приняли решение о том, что, если кто-нибудь из них, возвратившись, будет захвачен, каждый желающий из афинян может привести его к фесмофетам», которые, «взяв его, должны передать его палачу у рта» (Лус. I. 121). В качестве еще одного примера оратор ссылается на осуждение спартацами своего военачальника Павсания, обвиненного в связях с персами, который претерпел смерть в храме Афины Меднодомной (Лус. I. 128)¹⁹.

Каждый из этих примеров интересен сам по себе и требует специального рассмотрения, которое выходит за рамки данной работы. Важно то, что если примеры патриотизма в большей части были общеизвестны, то примеры предательства представляют собой подчас уникальную информацию (кроме эпизода с Павсанием), данную только Ликургом и нуждающуюся в осмыслении и даже критическом рассмотрении на предмет достоверности²⁰.

Таким образом, подводя итог исследованию, заметим, что речь Ликурга «Против Леократа» является важнейшим источником по восприятию афинянами и конкретно Ликургом предательства и патриотизма в классический период истории Греции. Речь демонстрирует, что предательство в интерпретации Ликурга не сводилось только к военному преступлению, но было более обобщенной категорией. Покинув город в условиях военной угрозы, Леократ предал религиозные святыни афинян, память своих предков, своих товарищей, как живых, так и павших. Однако, несмотря на убедительную аргументацию Ликурга, предательство Леократа оказалось не столь очевидным делом для многих афинян, о чем свидетельствуют результаты голосования о его виновности. Оратор Эсхин (Aesch. III. 252), кратко упоминая об этом судебном процессе, сообщает, что голоса судей разделились поровну и только поэтому Леократ не понес никакого наказания за свои действия.

¹⁷ О подозрении Фриниха в измене см. (Thuc. VIII. 50, 51, 54); о его посмертном обвинении в предательстве см. (Plut. Alc. 25).

¹⁸ Гиппарх, сын Харма, был первой жертвой афинского ostracism в 487 г. до н. э. (Arist. Ath. Pol. 22. 4). Очевидно, уже впоследствии афиняне предъявили ему обвинение в мидизме – измене в пользу персов *in absentia*. О хронологии и обстоятельствах изгнания Гиппарха, сына Харма см. [10, с. 132, 328]. И.Е. Суриков, однако, никак не комментирует сообщение Ликурга.

¹⁹ О «деле Павсания» со ссылками на соответствующую литературу см. [19, с. 118–127].

²⁰ О критическом отношении к некоторым сведениям афинских ораторов, в том числе и Ликурга, см. [20, 21]. В частности, сомнению подвергается историчность «Платейской клятвы».

Summary

E.V. Rung, I.V. Vostrikov. Betrayal and Patriotism in Lycurgus' Speech "Against Leocrates".

The article deals with the theme of betrayal and patriotism in a speech of Lycurgus, an Athenian politician and orator of the fourth century B.C. This speech is dedicated to the charges against Leocrates, who fled from Athens faced with the threat of the enemy after the defeat of the Athenians by the Macedonian king Philip II at the battle of Chaeronea in 338 B.C. Lycurgus accused Leocrates not only of unpatriotic behavior, but also of treason, which he interpreted as a betrayal of the gods and shrines, the general's ancestors and relatives and his fellow citizens, who fought and many died at the battle of Chaeronea. Throughout the speech, Leocrates' betrayal is contrasted with the patriotism of his fellow citizens both at the time of the speech and in historical perspective; the fate that awaited the traitors of the past is shown. Thus, Lycurgus' speech is an important illustration of how the orator's contemporaries perceived betrayal and patriotism.

Keywords: betrayal, patriotism, Lycurgus, Leocrates.

Источники

- Aesch. – *Aeschines*. The Speeches of Aeschines / With Eng. transl. by C.D. Adams. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd, 1919. – 560 p.
- Aeschil.– *Aeschylus*. Persians. Seven against Thebes. Suppliants. Prometheus Bound / With Eng. transl. by A. Sommerstein. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd, 2009. – 624 p.
- Arist. *Ath. Pol.* – *Aristoteles*. Athenaiion Politeia / Ed. by M. Chambers. – Munich: K.G. Saur Verlag, 1998. – 84 p.
- Diod. – *Diodorus of Sicily*: in 12 v. / With Eng. transl. by C.H. Oldfather. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann, Ltd, 1952. – V. 7. – 448 p.
- Hdt. – *Herodotus*. The Persian Wars: in 4 v. / With Eng. transl. by A.D. Godley. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann, Ltd, 1925. – V. 4, bk. 8–9. – 432 p.
- Lyc. – *Lycurgus*. Minor Attic Orators: in 2 v. / With Eng. transl. by J.O. Burt. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1962. – V. 2. – 640 p.
- Plut. *Vit. X Orat.* – *Plutarch*. Moralia: in 15 v. / With Eng. transl. by F.C. Babbitt. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd, 1936. – V. 10. – 524 p.
- Plut. *Alc.* – *Plutarch*. Plutarch's Lives: in 11 v. / With Eng. transl. by B. Perrin. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1916. – V. 4. – 480 p.
- Thuc. – *Thucydides*. History of the Peloponnesian War: in 4 v. / With Eng. transl. by C.F. Smith. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1923. – V. 4, bk. 7–8. – 459 p.

Литература

1. Allen D.S. Changing the Authoritative Voice: Lycurgus' "Against Leocrates" // *Classical Antiquity*. – 2000. – V. 19, No 1. – P. 5–33.
2. Маринович Л.П. Афины при Александре Македонском // *Античная Греция. Проблемы развития полиса: в 2 т.* – М.: Наука, 1983. – Т. 2. – С. 208–258.
3. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. – М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – 288 с.

4. *Холод М.М.* Демадов мир: к истории афинско-македонских отношений в IV в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – Вып. 1. – С. 99–114.
5. *Хабихт Х.* Афины: История города в эллинистическую эпоху. – М.: Ладомир, 1999. – 416 с.
6. *Sealey R.* Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. – 340 p.
7. *Worthington I.* Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 382 p.
8. *Ликург.* Речь Против Леократа // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы / Под общ. ред. Э.Д. Фролова. – М.: Ладомир, 2013. – С. 521–557.
9. *Burke E.M.* “Contra Leocratem” and “De Corona”: Political Collaboration? // Phoenix. – 1977. – V. 31, No 4. – P. 330–340.
10. *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. – М.: Языки славян. культур, 2006. – 637 с.
11. *Vielberg M.* Die Religiösen Vorstellungen des Redners Lykurg // Rheinisches Museum für Philologie. – 1991. – Bd. 134, Ht. 1. – S. 49–68.
12. *Mikalson J.D.* Religion in Hellenistic Athens. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1998. – 364 p.
13. *Рунг Э.В.* Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 2. – С. 304–314.
14. *Ладынин И.А.* Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // МНМА: Сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. В.Д. Жигунина. – Казань: Изд. дом «Ритор», 2002. – С. 202–225.
15. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. – СПб.: Алетейя, 2008. – 463 с.
16. *Карпюк С.Г.* Два патриотизма в «Истории» Фукидида // Вестн. РГГУ. Сер. Ист. науки. – 2010. – № 10. – С. 101–116.
17. *Рунг Э.В.* «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста // Вопр. эпиграфики. – 2009. – Вып. 3. – С. 84–101.
18. *Steinbock B.* A Lesson in Patriotism: Lycurgus’ Against Leocrates, the Ideology of the Ephebeia, and Athenian Social Memory // Classical Antiquity. – 2011. – V. 30, No 2. – P. 279–317.
19. *Рунг Э.В.* Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. – СПб.: Изд-во фак. филологии и искусств СПбГУ: Нестор-История, 2008. – 472 с.
20. *Habicht C.* Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. – 1961. – Bd. 89, Ht. 1. – S. 1–35.
21. *Robertson N.* False Documents at Athens: Fifth Century History and Fourth Century Publicists // Historical Reflections. – 1976. – V. 3, No 1. – P. 3–25.

Поступила в редакцию
30.11.13

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

Востриков Игорь Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: igor-vostrikov@bk.ru